

Глава 7

«КОГДА УСЛЫШИШЬ АРТИЛЛЕРИЮ СВОЮ»

август – декабрь 1943г.

Не расскажешь, не опишешь,
Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнем услышишь
Артиллерию свою.
А. Твардовский

Когда началась подготовка к Курской битве¹, Центральный Комитет КПБ(б) принял постановление «О разрушении железнодорожных коммуникаций методом *рельсовой войны*». Постановление обращало внимание партизан на третий способ разрушения железных дорог, наряду с крушением эшелонов и обстрелом их, – подрыв рельсов на больших участках. Причем, рвать так, чтобы рельсы превратились в металлолом, то есть не могли быть больше использованы по своему прямому назначению.

Вместо спорадических подрывных акций 1942 года и первой половины 1943 года, партизанам предписывалось, навалившись «всем миром», вовсе *парализовать* железнодорожное движение противника.

«РЕЛЬСОВАЯ ВОЙНА»

Первый этап рельсовой войны должен был начаться в ночь на 3 августа 1943 года и длиться до середины сентября. Потом будут второй (операция «Концерт») и третий этапы этой «войны». И отряды бригады Львова будут активно в них участвовать.

¹ Курская битва началась 5 июля и завершилась 23 августа 1943 г.

Для отряда Голодова начало «рельсовой войны» – 24.00 5-го августа 1943 года. На участке между станциями Ясень и Мирадино. Хорошо знакомый участок. Именно там, в основном, и «паслись» подрывники отряда предыдущие два года.

Усилий отдельных диверсионно-подрывных групп было явно недостаточно: огромный объём предстоящей «работы» требовал участия чуть ли не каждого партизана. В отряде приступили к обучению бойцов обращению с толовыми шашками и бикфордовым шнуром. Инструкторами-минерами стали Алексей Харламов, Владимир Шпрыгов и Николай Сталиневич.

Когда из штаба соединения поступили толовые шарики, стограммовые толовые шашки, бикфордов шнур и капсюля-детонаторы, инструкторы сначала проверили их в деле сами, а затем обучили бойцов.

Накануне выхода в отряде были проведены собрания, посвященные предстоящей крупной операции.

С места будущей закладки вернулись разведчики Гутковский, Лазарев и Пелагейко, доложили: на участке отряда перед железнодорожным полотном сплошной ельник, есть два дзота и окопы, по насыпи ходит усиленный патруль.

4-го августа 1943 года. Чуть забрезжил рассвет, бригада в составе отрядов Голодова, Шваякова, Яковенко, Сезика и Щербича выступила из Зубаревич на север – в южноосиповичские леса.

Почти весь световой день колонна шла по партизанской зоне: Козловичи, Макаровка, Гороховка. Под вечер прибыли к «варшавке», перешли её ночью, удачно, охрана «не заметила»².

Не доходя семнадцать километров до железной дороги, в лесу в районе деревни Тарасовичи, организовали последний перед операцией привал. Уточнили обстановку как на месте будущей операции, так и по пути к нему. Дальше бригаду вёл проводник из местных жителей: предстояло идти ночью по незнакомой нам местности.

Вечером пошёл дождь, и бойцы промокли до нитки. Но главное – убережь от воды спички и бикфордов шнур.

Ночь была настолько темной, что шли, держась друг за друга. Так и подошли к железной дороге. Бригадная группа при-

² Охрана видела партизан. Только в той полицейской охране стояли *свои* люди. Об этом командование бригады заранее позаботилось.

крытия вступила в интенсивную перестрелку с охраной, отвлекая её от самой железной дороги.

Подрывные группы приступили к работе...

Команда: «Отходить!», и через считанные минуты участок железной дороги Ясень – Мирадино огласился сплошными взрывами. Партизаны бригады Львова подорвали более 1500 рельс.

На рассвете над участком, где была проведена операция, появились немецкие самолеты. Но бригада уже отошла от железной дороги в глубь леса километров на десять. Бойцы, устроившись на привал, с чувством победителей лишь шутили: «Ищите, ищите. А вдруг что найдете».

На обратном пути, воодушевленная успехом проведенной операции, бригада смяла охрану, без потерь перешла шоссе и скоро вошла в свою, партизанскую, зону.

Одновременно с бригадой Львова другие участки железной дороги Осиповичи – Бобруйск подрывали бригады Ливенцева и Тихомирова. От Осипович до Бобруйска местные жители наблюдали пламя и слышали взрывы. «Уж не Красная ли Армия подошла?!» – зарождались надежды у истосковавшихся по свободе сельчан.

В итоге движение на этой линии было прекращено на несколько суток.

Из-за отсутствия запаса рельс оккупанты уже не смогли восстановить двухпутное движение, что весьма осложнило переброску живой силы, техники и боеприпасов к фронту. Скопившиеся войска перегружали из эшелонов на автомашины и направлялись по шоссе на восток, к фронту.

Но и там, на шоссе, партизаны их уже поджидали.

ВОЙНА НА ДОРОГАХ

Задача отряду: сорвать движение по «варшавке».

Взвод Царика недалеко от Глуши установил мины, и утром на них подорвались две автомашины и бронетранспортер с солдатами.

На следующую ночь отряд в полном составе вышел на участок Старые Дороги – Глуша и, взорвав шестиметровый железобетонный мост через Птичь, залег в кустах в засаде.

Уже перед рассветом, на магистрали появилась автоколонна. У разрушенного моста скопилось несколько десятков автомашин с солдатами и грузами, и Голодов командует: «Огонь!»

В машины полетели бутылки с горючей смесью, гранаты «лимонки». По убегающим солдатам и офицерам – очереди из пулеметов и автоматов и прицельный огонь из винтовок и карабинов.

Когда же немцы залегли в кюветы и стали готовиться к атакам, партизаны скрытно покинули свои позиции.

солдатами – около батальона.

Голодов решает дать немцам бой: пусть знают, кто на этой дороге хозяин.

Подпустив машины на 100 метров, партизаны повели огонь на поражение. Более десятка трупов остались на дороге. Батальон залёг у обочин, а затем, организовавшись в цепи, пошёл в наступление на позиции партизан.

Немцы уже начали окружать отряд Голодова, как вдруг сзади них раздалось дружное и громкое «ура!». Это вступил в бой отряд Василия Щербича. Быть окруженными – такая участь немцев не устраивала, и они бросились к своим уцелевшим машинам...

А через три дня ночью, бойцы из соседней бригады Яковенко, с помощью населения окрестных деревень произвели на участке «варшавки» между Глушей и рекой Птичь километровые завалы из спиленных сосен, вязов и берез, заминировали эту неразбериху да взорвали два четырехметровых моста в болотистой местности.

Эта акция вместе с диверсиями бригады Львова привели к тому, что автомобильное движение на «варшавке» было приостановлено.

У немцев осталось последнее: собрать максимально возможное количество войск и навалиться на партизан, разгромить их и тем самым выполнить приказ верховного главнокомандования о восстановлении перевозок к фронту.

Скопившиеся на железнодорожных станциях и автомобильных дорогах немецкие подразделения были подчинены единому командованию – и брошены против партизан. Мощными засадами они блокировали все окрестные шоссе и грунтовые дороги, а затем стали прочесывать леса.

Вступать в открытый бой с многочисленным и вооруженным до зубов врагом партизаны не решались. Они заблаговременно уходили в другие районы, через несколько дней возвращались, поколачивали врага и вновь исчезали.

Однако такая жизнь продолжалась недолго. Изрядно измотавшись, израсходовав почти все боезапасы и продовольствие, отряды стали возвращаться в родную партизанскую зону.

Немцы, осмелев, полезли и туда.

ПРОГИБ В ПАРТИЗАНСКОЙ ЗОНЕ

Вторжение немцев в «партизанскую» зону оставляло как бы прогиб-дугу в ней, соблазняя на повторные попытки. Партизаны отвечали тем, что делали прогиб в «немецкой» зоне. Либо просто изгоняли врага, если обладали на то достаточными силами.

Бой у мельницы в Устерхах

В деревне Устерхи действовала мельница, на которой партизаны перерабатывали запасы своего зерна в муку. Охранял эту мельницу взвод партизан отряда. Вечером 11 августа 1943 в наряд в д. Устерхи заступил бывший пограничник Григорий Носов. На рассвете большая группа оккупантов окружила деревню. Разгорелся бой. Горстка партизан не отступила. Услышав стрельбу в районе партизанской мельницы, Голодов выслал подкрепление. Партизаны разгромили «гостей». На поле боя враг оставил более 30 своих солдат. У партизан шестеро погибших, среди них – Григорий Носов.

На всякого «мудреца» довольно простоты

Находясь в партизанской зоне, немцы проявляли высочайшую бдительность и в известной степени трусливость. На

просёлочных дорогах перед тем, как пустить очередной свой обоз или технику, оккупанты проверяли дорогу: выгоняли местное население с волами или лошадьми и заставляли бороновать дорогу. Таким образом они надеялись обнаружить партизанские мины.

Но партизаны ухитрялись обойти эти меры предосторожности. И вот пример.

По данным партизанской разведки в Глуске уже стали накапливаться силы карателей, и часть из них направилась в Устерхи. Голодов выслал роту Царикова в засаду на дорогу между деревнями Балашевичи и Устерхи – именно здесь должны были пройти каратели.

Впереди колонны каратели гнали несколько крестьян, ведших волов с привязанными к ним боронами.

Партизанская засада была за поворотом дороги. Крестьян, как только они оказались за поворотом, вне поля зрения карателей, бойцы быстренько увели в лес, и на дороге палками прочертили полосы – якобы бороны здесь уже прошли.

Появились подводы с полицейскими и немцами. Вот хвост колонны поравнялся с концом партизанской цепи в засаде, раздалась команда: «Огонь!». С расстояния 30 метров была расстреляна вся колонна: 66 немцев и полицейских уничтожены.

Тяжелый бой у Чикилей

Уже было пять часов вечера (19 августа 1943 года), как вдруг кто-то крикнул: «Немцы!»...

Отряд спешно занял оборону на окраине села.

Противник числом в три раза больше, чем партизан, двигался сюда.

Голодов разглядывал колонну в бинокль.

Колонна карателей остановилась. Солдаты из первой шеренги что-то говорили офицеру и показывали в сторону деревни. Тот долго всматривался в Чикили. Партизан в деревне он, конечно, не увидел, но на всякий случай стал готовить колонну к бою.

Колонна рассыпалась, и начали образовываться цепи, одна за другой. Теперь видно: карателей много; значительно больше, чем бойцов у Голодова.

– Не дать им полностью развернуться, и пойти в обход!.. Огонь! – приказал Голодов.

Центр первой цепи карателей как если бы вырубил. Сократилась она и на флангах – таков был эффект от внезапности действий отряда.

Но цепи тут же залегли, и через минуты две каратели организовали дружный ответный огонь.

(Отзвуки боя были услышаны в Козловичах и Крюковщине, и отряды Шваякова и Щербича немедленно вышли на помощь Голодову.)

Каратели уже сообразили, что перед ними лишь один отряд партизан, и что они, каратели, обладают значительным численным превосходством. Поднялись в атаку, орут:

– Бандиты, сдавайтесь!

Партизаны перестали стрелять: берегли патроны для прицельной стрельбы.

Когда первая цепь подошла на метров сто, партизаны открыли дружный огонь.

Но что это? За цепями видны несколько машин, с которых выгружаются солдаты. Это пришло подкрепление – мадяры, румыны и «добровольцы».

Бой становился все ожесточеннее.

Ценой больших потерь противнику удалось потеснить партизан и ворваться на окраину Чикилей.

Партизаны отступили к центру деревни.

И тут случилось то, чего так ждал Голодов: слева и справа по карателям ударили отряды Шваякова и Щербича.

Противник растерялся, ему казалось, что победа уже близка, а тут – удары по флангам!

«Сколько их, этих бандитов, пришло на подкрепление? Отряд, или несколько бригад?» – волновало карателей.

Воспользовавшись замешательством в стане врага, отряды Голодова, Шваякова и Щербича отошли под защиту леса. Каратели партизан не преследовали. Тем более в лесу, да еще в наступающих сумерках. Они ждали рассвета.

За ночь каратели провели разведку, уточнили местонахождение отрядов...

На рассвете в штабную землянку не вошел, а буквально влетел командир бригадной разведки Андрей Лазарев – взволнованный, возбужденный.

– Что случилось, Лазарев? – приподнялся комбриг Львов.

– Товарищ комбриг, противник вклинился в козловичский лес и движется к нашему лагерю. Слишком много их там.

Есть два варианта у Львова. Первый – уйти из-под удара. Второй... Сейчас бригада – редкий случай – почти вся в сборе, нельзя упустить возможность втянуть противника поглубже в лес и там разбить.

Львов приказал отрядам подтянуться к лагерю Голодова.

Вскоре отряды – а они стояли друг от друга недалеко – прибыли и заняли круговую оборону, изготовились к бою.

Ждать пришлось недолго.

Противник с дальней дистанции обрушил на партизан огонь из минометов, а затем пошёл в атаку.

Вот первая цепь уже приблизилась к позициям партизан на каких-то полтора метра. Львов скомандовал: «Бей гадов!..»

Дважды противник поднимался в атаку, и также дважды эти атаки захлебывались под сильным пулеметно-автоматным и винтовочным огнём. Готовился к третьей атаке...

Но тут повели свои отряды на врага Шваяков и Щербич.

Многоголосое «ура» раскатами разносится по лесу...

В козловичском лесу осталось навечно лежать около сорока гитлеровцев. Партизаны трёх отрядов потеряли тогда девять человек.

А через пять дней, 24 августа 1943 г., Голодов со своими бойцами и танкеткой помог отряду Путьаты – из другой бригады – в бою у деревни Косаричи.

Интересный эпизод того боя. Когда Голодов скомандовал: «В атаку – ура!», жители Косарич – старики, женщины и дети – вместе с партизанами также дружно закричали «Ура-а-а!» Этот крик слышали даже в соседних деревнях. Казалось, что партизан неисчислимое множество. И немцы – и так подавленные массированным огнём партизан, грохотом и видом партизанского «танка» – дрогнули, стали отступать, бросая убитых и раненых. Погиб в этом бою и комендант немецкого гарнизона Глуска.

ВТОРОЙ ЭТАП «РЕЛЬСОВОЙ ВОЙНЫ»

Разгромив немецкую группировку под Курском, Красная Армия полностью овладела стратегической инициативой, начала новое наступление на фронте до двух тысяч километров. Од-

на за другой сметались с лица земли мощные оборонительные линии врага.

В середине сентября 1943 года Львова, Храпко и Голодова вызвали в штаб соединения, который, как и обком партии, располагался в лесу, неподалеку от реки Орессы.

Выехали ранним утром на добротных конях. Проехали через хвойные леса, миновали лесное болото, выбрались в молодой разросшийся ельник.

– Комбриг, как ты думаешь, зачем нас вызвали? – спросил Храпко у Львова.

– Догадаться несложно: Гитлер продолжает перебрасывать свежие воинские части на Восточный фронт по уже восстановленным железным дорогам, разрушенным «рельсовой войной». Наверное, штаб получил новое указание сверху – задержать переброску войск противника на этих дорогах...

Преодолев около пятидесяти километров, подъехали к лагерю. Комендантская охрана провела к землянке, где размещался штаб соединения.

Возле землянки за длинным столом из грубых досок сидели около двух десятков прибывших ранее командиров и комиссаров бригад, командиры крупных отрядов. Ждали Козлова.

И тут Голодов увидел среди присутствующих Химичева. Встреча, казалось, должна быть не из приятных. Полтора года прошло с тех пор, как Голодов вырвал у «раскольника» Химичева карабин из рук... Но столько воды утекло с тех пор, столько событий произошло! Время и расстояние заставили Голодова забыть амбициозность Химичева, а Химичева – горячность Голодова.

– Иван Алексеевич! Очень рад тебя видеть.

– Василий Емельянович! И я тебе рад. О! Орден Ленина! Наверное, здорово бьешь...

– Ну, как вы с Кудашевым? Полтора года прошло, как вы от нас отошли, и с той поры я ничего о вас не слышал.

– Я команду отрядом, а Кудашев – комиссар бригады...

Из штабной землянки вышел Василий Иванович Козлов и Григорий Васильевич Гнусов (начальник штаба соединения). Козлов в генеральской форме, на груди – звезда Героя.

Все встали.

Когда уселись, Козлов представил каждого присутствовавшего остальным, а затем объявил:

– Товарищи! По обрывкам разговоров я понял, что вы догадываетесь о цели нашего сбора. Да, мы начнем новую «рельсовую войну». Но прежде давайте обсудим недостатки в организации августовской «войны»... Некоторые отряды не провели тщательной разведки подступов к железной дороге, не выявили огневые точки врага и, соответственно, понесли дополнительные потери... Были случаи, когда проводники в темноте сбивались с дороги и взрывы рельсов производились в неустановленное время... Да и не всегда мины ставились на стыках рельс, чтобы одним подрывом выводить из строя два рельса... Не каждый боец закреплял тол у рельса – и подготовленную взрывчатку отбрасывал соседний взрыв... В общем, таких ошибок нам нельзя больше повторить. И ещё, до сих пор некоторые командиры не представили наградные списки. Поймите, для человека оценка его заслуг весьма важна. Победа под Курском положила начало новому наступлению Красной Армии. Идут ожесточенные бои. К фронту немцы ежедневно шлют все новые и новые эшелоны с живой силой и техникой. Из Белорусского штаба партизанского движения мы получили указание: *вновь нанести массированный удар по железнодорожным коммуникациям врага*. Операция «Концерт». Ее мы проведем в ночь на 19 сентября. Впрочем, для отдельных бригад и отдельных отрядов начало может быть перенесено, если обстановка того потребует. Вчера ночью самолет с Большой земли доставил нам взрывчатку. А сейчас определимся: кто и где «работает»...

Отряду Голодова был выделен хорошо знакомый участок Ясень – Мирадино. Выделили взрывчатку.

Инструкторы-минеры собрали диверсионно-подрывные группы и потренировали их перед предстоящей операцией.³

Вернулась высланная к месту предстоящей операции разведка, доложила: на нашем участке все подходы к железнодорожному полотну заминированы.

Голодов вызвал Шпрыгова:

³ Лучшими подрывниками отряда на тот момент были: Владимир Шпрыгов, Василий Попов, Михаил Романович, Константин Перельгин, Дмитрий Новиков, Василий Чайков.

– Подходы к железнодорожному полотну на нашем участке заминированы. Вам знакомы немецкие мины?

– Так это же отлично! – почему-то обрадовался Шпрыгов.

– Чего уж тут хорошего? Понапихали мин – не пройдешь к насыпи.

– Раз поставили минное поле, значит, не охраняют этот участок, либо охраняют слабо. И значит задача упрощается. Теперь главное: сделать проход в этом минном поле к насыпи.

Шпрыгов собрал бывших армейских сапёров и с ними пошел к месту будущей операции. Там, ползая в ночной темноте по-пластунски, сапёры отыскивали замаскированные мины и обезвреживали их.

И вот Голодову доложили: Шпрыгов с сапёрами вернулся – есть проход!

Отряд построен. Комиссар Буянов говорит о важности предстоящей операции и призывает бойцов со всей ответственностью отнестись к соблюдению мер безопасности при ее выполнении.

Диверсионно-подрывные группы получают заряды.

Отряд идет к месту операции. Слышен женский говор и смех. Это самые боевые девчата отряда: Марина Храпко, Мария Болбас, Дора Шпаковская, Мария Потапенко, Лида Маркова – они сами напросились на железку.

Многие бойцы в лыковых лаптях – это рационализаторское предложение Исая Олимпиевича Колпакова. Лучших «болотоходов» чем лапти, ещё никто не придумал.

...Когда на исходе ночи отряд переправлялся через «варшавку», пошел дождь. Уже перед рассветом сделали большой привал. И снова в путь: к железной дороге.

Шли по лесной тропе плотной цепочкой, в затылок друг другу. Лил холодный дождь, тропу размыло, промокли с ног до головы.

К двенадцати часам ночи отряд вышел на окраину леса. До железнодорожного полотна двести метров. Здесь – начало подготовленного группой Шпрыгова прохода.

...Темнота непроницаемая. Сколько ни всматривайся, ничего не видно. То и дело в небо взлетают ракеты, их свет вырывает из тьмы насыпь, дзот, лес по ту сторону насыпи. Гаснет ракета – опускается темень. Наверное, темнота охрану дороги пугает: из дзотов ведется беспорядочная стрельба в темноту. Постре-

ляют для самоуспокоения, и – непродолжительная пауза. Затем всё сначала...

Голодов – Шпрыгову:

– Проверьте, не заминировали ли немцы проход снова. Ведь с момента разминирования прошло несколько дней.

Проверять пошли трое: Владимир Шпрыгов, Владимир Филиппович и Иван Ляпин. Разведчики проверяют «свой» участок, а из дзота то и дело постреливают.

Шпрыгов улавливает отдалённый стук поезда. «А что если «под шумок» эшелона подобраться к дзоту и уничтожить охрану?!» Отправляет Филипповича к Голодову: пусть командир даст «добро». Тот быстро возвращается: есть «добро!» – командир считает, что так или иначе, а дзот надо будет ликвидировать.

Шпрыгов и Ляпин ползут по мокрой после дождя земле к насыпи. До дзота оставалось метров десять, как, тяжело громыхая, приблизился товарный состав. Фары паровоза высветили дзот и ослепили на какой-то момент выходящего из него охранника.

Шпрыгов одним броском настигает охранника и вонзает в него кинжал.

В дзоте есть ещё охранники. Ляпин швыряет в амбразуру одну за другой две гранаты. В грохоте уходящего состава взрывы едва слышны.

Взвилась красная ракета – и отряд через проход бросается к насыпи.

На свет ракеты со стороны станции Ясень последовал орудийный и минометный огонь по железной дороге. Палили наугад.

Подбежав к железнодорожному полотну, партизаны укрепляют стограммовые толовые шапки сразу под стыки двух пар рельсов.

Через несколько минут общая команда: «Зажигай!»

Бойцы в считанные секунды поджигают бикфордовые шнуры, отбегают от полотна железной дороги.

И загремели взрывы...

Командиру 37-й п.бр. Львову
От командира отряда Голодова

Рапорт

Доношу, что л.составом нашего отряда 23.9.43 на ж. дороге Минск-Бобруйск в районе Ясень – Мирадино, на участке д. Старинка подорвано триста сорок три (343) рельсы.

Командир отряда мл. политрук (подпись Голодова)
Комиссар отряда мл. лейтенант (подпись Буянова)⁴
31.9. 43

Если после первого этапа «рельсовой войны», немцам пришлось снимать рельсы с железных дорог Западной Европы и доставлять их на Восточный фронт, то после второго этапа этой войны (а он продолжался до конца октября) на резервы рассчитывать уже не пришлось. Движение по железным дорогам сократилось, по признанию самих немцев, на сорок процентов.

Битва на рельсах не стихала до полного освобождения Беларуси от захватчиков.

23 сентября 1943 г. освобожден первый районный центр Белоруссии Комарин.

Два дня кружила «рама» над осиповичскими лесами в поисках партизан. Большие группы немцев и полиции прочесывали леса. А партизан – нет, и всё!

Убедившись, что партизаны оставили лесные массивы этого района, оккупанты перевалили через «варшавку» и направились в Глуский район, рассчитывая найти их там.

ПАРТИЗАНСКИЙ КРАЙ

Закачалась земля под оккупантами и их пособниками. Полицейские, еще не запятнавшие себя кровью соотечественников, стали проситься к партизанам. Поспешили и те, кто, находясь в рядах «добровольческих» формирований, выжидал: кто кого? Теперь и те и другие задумывались: что будет со мной, когда

⁴ НАРБ, ф. 1405, оп.1, д.265, л.32.

немцев разобьют? За страхом за содеянное работал инстинкт самосохранения.

А если человек успел запятнать себя в акциях против своего народа, и его руки были в крови, то выход он видел лишь в еще большем услаждении оккупантам.

Партизаны стали хозяевами огромных территорий, отгеснив немцев в крупные населенные пункты, такие как райцентры Глуск и Паричи и город Бобруйск.

«Партизанские зоны» разрастались, превращались в «партизанские края». Население этих зон и краев строило свою повседневную жизнь и хозяйственную деятельность с учетом реалий партизанской жизни: надо – отдавали последнее. Нельзя здесь усматривать только высокую «социалистическую» или «коммунистическую» сознательность. (Были и такие, но не они определяли общее состояние духа народного.) Одни помогали партизанам вполне искренне, другие поступали «как все», ничего «не понимая в политике», не вдаваясь в суть.

На «военном положении»

В связи с приближением линии фронта, отряды бригады, по рекомендации штаба соединения, с 11-го октября 1943 г. перешли на «военное положение».

Установлен единый для всех отрядов распорядок дня: подъем в 7.00, завтрак 8.00–9.00, обед 14.00–15.00, ужин 20–20.30; выход из лагеря – строго по пропускам, подписанным командиром отряда, комиссаром или командиром роты; на постах должно быть не менее, чем по два бойца, а перед постом делали окоп.

Пытались ввести чуть ли не ежедневные занятия по строевой подготовке и политинформации. В общем, подражали укладу Красной Армии – так хотелось её видеть!

Динамичная партизанская жизнь ежедневно вносила свои коррективы – и скоро пришлось вернуться к старому, проверенному режиму. Ибо *«быть партизаном – это всё время куда-то идти. Поел, если повезло, постал, если удалось, и снова идёшь, идёшь, ощущая заостряющуюся боль под лопаткой – с той стороны, где тяжесть винтовки»* (Александр Адамович).

А лучшим «пропагандистом и агитатором» для партизан и селян была канонада фронтовой артиллерии Красной Армии.

Вместе с героями гражданской войны

С 28 октября 1943 г. бригада Львова стала называться «37-й бригадой им. А.Я. Пархоменко»; отряд Голодова стал «отрядом имени С.М. Кирова». «Щорсовцами» стали «шваяковцы», «чапаевцами» – бойцы Матвея Сезика, «фурмановцами» – отряд Щербича. Почти все герои гражданской войны «воевали» с гитлеровцами. «Чапаевцы» уж точно должны были рубить головы фашистов слева направо и справа налево.

Вообще-то, переименование давно назрело. Отряды перемещались с места на место, из района в район, менялись их командиры – и тем самым вносилась путаница как в головах у местного населения, так и в штабах.

Из отчета командира отряда им. Кирова Голодова В.Е. о проделанной работе за ноябрь 1943 г.

...Кроме ежедневной информации о положении на фронтах в ротах и повзводно с бойцами проведено 8 массовых чтот докладов т. Сталина к 26-й годовщине Октябрьской Социалистической революции.

6-го ноября проведено торжественное заседание совместно партизан и населения деревень Крюковщина и Зубаревичи, массовые читки доклада т. Сталина в деревнях: Зубаревичи, Крюковщина и Костричник. Проведено одно заседание партбюро. Выпущено два номера стенной газеты. Проведены киносеансы, на которых демонстрировались кинокартины: «Разгром немцев под Москвой», «Оборона Ленинграда», «Чапаев».

Кинокартина «Разгром немцев под Москвой» демонстрировалась также среди населения д. Зубаревичи, причем на картине присутствовало более 400 человек.

По деревням распространялось обращение т. Сталина в связи с 26-й годовщиной революции, а также газеты «Советская Белоруссия» и «Бобруйский партизан».

Развернуто социалистическое соревнование среди партизан по подготовке боевых подарков ко дню Советской Конституции.

Попытки немцев прорваться на базу

С приближением фронта всё больше групп отряда находилось на боевых операциях. В отряде оставался хозяйственный взвод, санчасть и взвод охраны. Отсутствием основных сил на базе неоднократно пытались воспользоваться оккупанты.

Так, на рассвете 24-го ноября 1943 года в густом тумане оккупанты подошли к Зубаревичам и открыли сильный огонь из пулемётов и миномета. Командир взвода Иосиф Тасминский (отряд им. Фурманова) с частью взвода (остальные – в дозорах) отошёл за деревню. Партизаны не ушли, как предположили оккупанты, а, пользуясь туманом, скрытно расположились метрах в двухстах – на опушке леса в старых воронках.

Уверенные, что партизаны разбежались, отступили и теперь их след простыл, оккупанты сосредоточились на окраине деревни и оказались хорошей мишенью для бойцов Тасминского.

С восходом солнца туман рассеялся, и партизаны открыли прицельный огонь из винтовок и двух пулеметов. Несколько человек противника остались лежать на снегу.

Оккупанты установили миномет, но тот, выпустив пять или шесть мин, взорвался – в спешке посадили мину на мину. Была у них и пушка, но, произведя в сторону партизан два выстрела, оккупанты убоились окружения и, нагрузив двое саней трупов своих вояк, поспешили покинуть Зубаревичи.

У партизан тогда погибли трое: Герасим Белый, Александр Коновалов и Виктор Пепик. Вечером похоронили их на окраине Зубаревич.

Следующая попытка прорваться на базу партизан, будет произведена полицаями из Берёзовского гарнизона в середине декабря. Их засекли дозорные из взвода Иосифа Тасминского. Один из них, юноша Валентин Филипчик, прибежал на базу, доложил...

Тасминский поднял неполный взвод (остальные находились на постах) – и с пулемётом вышел навстречу полицаям, навязал им бой и отбросил обратно за Птичь, или, как говорится, восстановил исходное положение.

Из воспоминаний Марковой Лидии Афанасьевны (в ту пору ей было 18 лет):

«В декабре 1943 г. я вместе с другими бойцами была оставлена охранять лагерь и всю хозяйственную часть. Ходила на секретные посты часовым, через каждые 2 часа, почти целый месяц. Одежды теплой не было. Было рваное старое пальто и рваные бурки с порванными галошами, подвязанными веревками, сквозь галоши и бурки видны были пальцы, ибо латать и то не было чем. Вот так и стояли на морозе и лазили по пояс в снегу с голыми пальцами. И что? – Не болели. Ни насморк нас не мучил, ни кашель».

«ВОРОТА»

Красная Армия очистила от врага левобережную Украину, освободила Киев, форсировала Днепр и прочно закрепилась на его правом берегу.

26 ноября 1943 г. освобожден первый областной центр Беларуси – Гомель

Две гвардейские бригады танкового корпуса совместно с 37-й гвардейской дивизией генерала Ушакова Е.Г. и 46-я артиллерийская бригада полковника Колесникова С.Г. продвигались далее, в направлении Парич, освобождая населенные пункты. Вклинившись

глубоко в оборону противника и создав несколько разрывов в ней, дивизии прекратили наступление и закрепились в районе Парич – в ожидании подхода своих тыловых частей и «компенсации потерь».

Противник для ликвидации выступа стал проводить перегруппировку своих сил.

Для изучения намерений противника и для установления связи с партизанами в дивизиях создавались разведгруппы, которые одна за другой направлялись в тыл противника.

ВСТРЕЧА

29 ноября 1943 г. Голодов получил донесение от своих разведчиков:

По Паричскому шляху бесперерывно, днем и ночью, отступают немцы. Испортившиеся машины бросают на пути следования.

По сведениям жителей, разведка Красной Армии на 150 танках была в 5-6 км от Парич. Отдельные танки были в деревнях возле Парич. Причем, один лейтенант-танкист заявил, чтобы полиция, добровольцы и бургомистры прятались в лесах – не шли с отступающими немцами.

В д. Лоси стоят 200 немцев. На ст. Брожа – несколько сот немцев. В районе Глебовой Рудни, по сведениям жителей д. Орсичи, немцы роты окопы и расчищают шлях на Глуское шоссе, идущий возле д. Петровичи.

По сведениям жителей м. Паричи, задержанных в д. Тумаровка, в Паричах сгорели мельница и другие постройки от артиллерийского огня Красной Армии.

И в тот же день, возвращавшаяся после выполнения боевой операции, группа подрывников отряда в районе деревни

Моисеевка Паричского района встретила с фронтовой разведкой Красной армии. В доказательство (а парням никто бы не поверил!) о состоявшейся встрече, вернувшись в отряд бойцы

предъявили подаренные им автоматы.

Отряд ликовал!

Командир бригады Львов только что вернулся с боевой операции, во время которой было разбито шесть автомашин, один штабной автобус и ликвидировано более двадцати фа-

шистов. Узнав новость, Львов, несмотря на усталость и позднее время, велел тут же седлать лошадей и вместе с комиссаром Храпко и группой бригадных разведчиков отправился в Моисеевку, в штаб 37-й гвардейской дивизии, которой командовал генерал Ушаков.

Встреча была тёплой, с ужином.

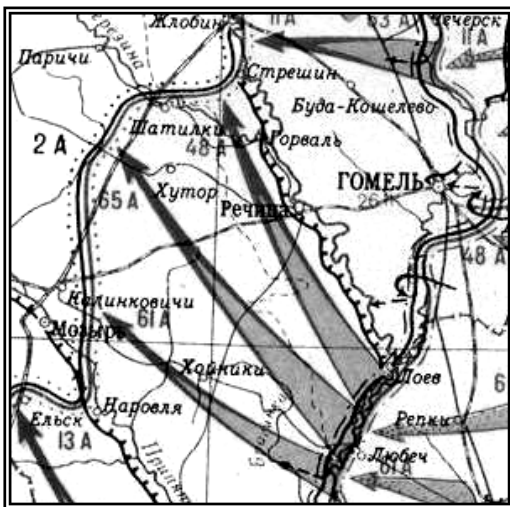
С этого момента бригадой управляло командование 37-й гвардейской дивизии Красной Армии. В дивизии особенно не интересовались проблемами партизан – своих хватало – и, соответственно, мало их и учитывали. Практически не учитывалось то, что у партизан был солидный хвост – гражданские лагеря, в которых находились семьи многих партизан, жители партизанских деревень.

1-го декабря 1943 г. комиссар бригады Храпко сообщает в штаб Козлова:

«Ставлю Вас в известность, что 30.11.43 г. ровно в 24 часа установлена связь с 37-й гвардейской стрелковой дивизией через командира 1-й Бобруйской бригады тов. Ливенцева. От штаба дивизии получена задача: помочь продвигаться дивизии по дороге Черные Броды – Козловичи-2, Чикили и дальше до магистрали Москва–Варшава. А также для обеспечения боевой деятельности в районе Парич предложено двум бригадам обеспечить левый фланг 109-го гвардейского полка в районе деревень Углы, Протасъ, Ковчицы-1 и Ковчицы-2. На выполнение этой задачи вышли группы обеих бригад, находящиеся в районе Макаровка–Петровичи, им же поручен дальнейший контроль магистралей и диверсии.

Ввиду полученных сведений от войсковой разведки, что противник концентрирует силы в районе Глуск – Березовка по р. Птичь, мною для обеспечения безопасности выброшен отряд т. Шербича в д.Зубаревичи для контроля дороги Зубаревичи – Березовка и левого берега Птичи в этом районе. Так же отряд Вежновца⁵ выброшен в деревни Выюнищи и Крюковщина с задачей изолировать немецко-полицейский гарнизон Устержи и обеспечить восстановление дороги Черные Броды – Козловичи для продвижения частей Красной Армии к магистрали...»⁶

В открывшиеся «ворота» поспешили партизаны. Взвод из отряда им. Фурманова повёл через «Паричские ворота» за линию фронта большой отряд новобранцев из местной молодежи, а также 420 женщин, стариков и детей из семей партизан и местных жителей. За людьми шёл обоз для 37-й гвардейской дивизии – 100 пудов хлеба и 15 голов скота. В Речице

бойцов-партизан и юношей призывного возраста, которых бойцы привели с собой, переодели в армейское обмундирование и распределили по частям действующей армии.

Через «ворота» в партизанскую зону ходили армейские разведывательные подразделения, перебрасывалось оружие и боеприпасы, радиоаппаратура...

Первая задача бригады Львова – теперь «37-й бригады им. Пархоменко» – совместно с другими бригадами держать «ворота» открытыми. Но для этого надо противостоять напору немецких фронтовых частей.

Отряды бригады были распределены по всем вероятным участкам перемещения немцев и там стали создавать лесные завалы на дорогах, минировать, рыть окопы, строить дзоты. Знали: бои предстоят жаркие.

⁵ Отряд им. Щорса (бывший отряд Швайкава).

⁶ НАРБ, ф.1405, оп.1, д.265, л.106.

«ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ» ОТРЯДА ИМ. КИРОВА

Немцы силами трёх пехотных и двух танковых дивизий в середине декабря приступили к ликвидации брешки в районе Парич.

Бригада им. Пархоменко получила приказ командира 37-й стрелковой дивизии генерал-майора Ушакова: не допустить, чтобы противник зашёл в тыл его дивизии. Для этого надо было, действуя в боевых порядках дивизии, удерживать плацдарм в северной части «ворот» – разрыв во вражеской обороне на участке: Качай-Болото – Ковчицы-2-е – Тумаровка – Малимоны – к югу от Бобруйска.

К началу боев с фронтовыми частями врага отряд им. Кирова (отряд Голодова) насчитывал 466 бойцов и был вооружен 4-мя станковыми и 14 ручными пулеметами, 60-ю автоматами, 259-ю винтовками, двумя минометами, 35-ю пистолетами и двумя противотанковыми ружьями. Для действий в лесу это хорошее вооружение. Но для действий на открытой местности против дальнобойной артиллерии и большого количества танков и скопления пехоты всего этого, конечно, недостаточно.

Со стороны занятой врагом деревни Углы изготовились к обороне отряд им. Чапаева (отряд Сезика) и взвод разведки из стрелковой дивизии – лейтенанта Владимира Мирошникова. Они взяли под наблюдение и обстрел шоссе на Паричи – Озаричи.

Справа, в районе деревень Ковчицы-2, Тумаровка и Малимоны, укрепился отряд Голодова и небольшое подразделение из стрелковой дивизии. Они перекрыли дорогу на Паричи и изготовились оборонять левое крыло разрыва.⁷

Готовясь к боям, партизаны отрывали окопы, ходы сообщения, строили дзоты, минировали шоссе. Стоял декабрь, и это требовало исключительно больших физических усилий.

То и дело пролетали «рамь» – немецкие разведывательные самолеты-корректировщики.

⁷ Далее пойдет рассказ о шести полных трагедии днях из жизни отряда им. Кирова, в основу которого положена статья “Партизаны стаялі насмерць” из книги “Памяць. Светлагорскі раён, ч. 2”. Мінск, “Беларусь”, 2003. С. 40–41. Имена погибших партизан приводятся по воспоминаниям участников тех боев.

15 декабря 1943 г.

Ранним утром затишье прекратилось – враг атаковал опорные пункты кировцев в деревнях Тумаровка, Малимоны и Завичье, намереваясь прорвать оборону партизан и выйти в тыл стрелковой дивизии. И еще около ста немецких автоматчиков атаковали подразделение отряда левее деревни Ковчицы-2-е.

Бой продолжался более часа, немцам пришлось отступить.

Но вскоре атака повторилась, но теперь уже возле Малимон. Потеряв и там человек двадцать, немцы отошли.⁸

16 декабря

Утром на позиции обороняющихся партизан и красноармейцев налетела группа немецких пикирующих бомбардировщиков: бомбили Ковчицы-2-е, Тумаровку и прилегающие к ним леса и перелески. Бомбили везде, где могли укрыться люди. Бомбы рвались, вздымая массу земли и с корнем вырывая деревья, разрушали хаты и хозяйственные постройки.

На некоторое время все стихло. Началась мощная артиллерийская обработка партизанских позиций. Снаряды рвались так густо, что, казалось, ничего живого остаться не может.

После такой обработки пошла вражеская мотопехота и пешие автоматчики. Они пытались с ходу овладеть Ковчицами-2-е с севера, но, понеся потери, откатились в сторону Бобруйска.

Казалось, немцы больше не будут повторять безуспешных атак. Тем не менее, они их повторяли, сосредоточив усилия на позициях «кировцев», рассчитывая, что партизаны с их

слабым вооружением не выдержат длительного напора. Но в этом, как покажут последующие события, они частично ошиблись.

⁸ 15 декабря 1943 погибли партизаны: Александр Волков, Михаил Хотько, Алексей Лебян, Николай Филиппов, Василий Савончик, Иван Кульба.

17 декабря

В атаку на позиции обороняющихся при поддержке шести бронемашин пошло более 300 гитлеровцев. Но двухчасовой бой не принес им успеха. Партизаны устояли, хотя и понесли ощутимые потери. Львов приказал отряду Сезика, «чапаевцам», подойти на подкрепление «кировцам», заняв часть их участка обороны.

18 декабря

Враг провел разведку боем позиций «чапаевцев», понес потери и отступил.

19 декабря

Утром со стороны Тумаровки к Ковчицам-2 под прикрытием 17 танков двинулись цепи автоматчиков...

Враг занял Малимоны и продолжил наступление на Ковчицы-2.

В разгар боя со стороны д. Круки показались еще 20 танков и до двух батальонов пехоты. Их под-

держивали огнём пушки и тяжёлые миномёты.

Бой длился 13 часов. Доходило и до рукопашных схваток.

Замолк партизанский миномет.

Александр Вышковский отстреливался из дзота и выкрикнул наружу из амбразуры: **«За Сталина!»**. В амбразуру пуля влетела и тут же убила бойца. (Об этом после войны партизаны-ветераны вспоминали на своих встречах. Говорили, как о редчайшем случае, ибо до этого никто из партизан отряда и ни в одном бою «такое» не выкрикивал.)

Один из танков прорвался в Ковчицы-2-е, однако, подбитый выстрелом из противотанкового ружья, загорелся. Такая же участь постигла и второй танк.

И только в результате девятой атаки под вечер немцы прорвались в Ковчицы-2, чуть не окружив группу партизан

Андрея Лазарева⁹. Группа с боем вырвалась из кольца и вышла к 37-й дивизии.

На заснеженном поле чёрная рябь – это тела погибших.¹⁰

20 декабря

Рано утром «кировцы» – их осталось около ста человек – отошли к деревням Качай-Болото (ныне Рассвет) и Слободка.

В Слободке в колонну выстроились красноармейцы, командир дивизии приказал им оставить позиции.

Дивизионный инженер гвардии полковник Рябов подходит к Голодову:

– Немцы уже в Углах, Малимонах, Тумаровке, Завичье, Ковчицах-2 и Даниловке. Мне приказано вывести красноармейцев из-под удара. Предлагаю и вам, партизанам, следовать за нами.

– Лично я, – ответил Голодов – приказа к отступлению ни от кого не получал: ни от командира бригады, ни от командира дивизии. Ваше предложение есть лишь предложение, дружеское участие в этой ситуации – большое спасибо за это. Но мои бойцы сильно устали, им надо хотя бы немного отдохнуть.

– Ну, что ж, вам виднее, – сказал на прощание Рябов.

Партизаны разошлись по хатам. Хозяйки накормили их, чем смогли. После еды мертвецки усталых бойцов потянуло на сон...

Голодов, раздумывая, ходил по хате – от окна к порогу, от порога к окну. Кажется, надо согласиться с доводом Митялина, начальника штаба, и идти на свою базу, в Зубаревичи.

Но вот просто так уйти, открыв «ворота» в тыл 37-й дивизии, Голодов не мог.

На пороге вскочил ординарец Леонид Резников:

– Фрицы, командир!

Со стороны Кнышевич идут четыре танка и до батальона солдат.

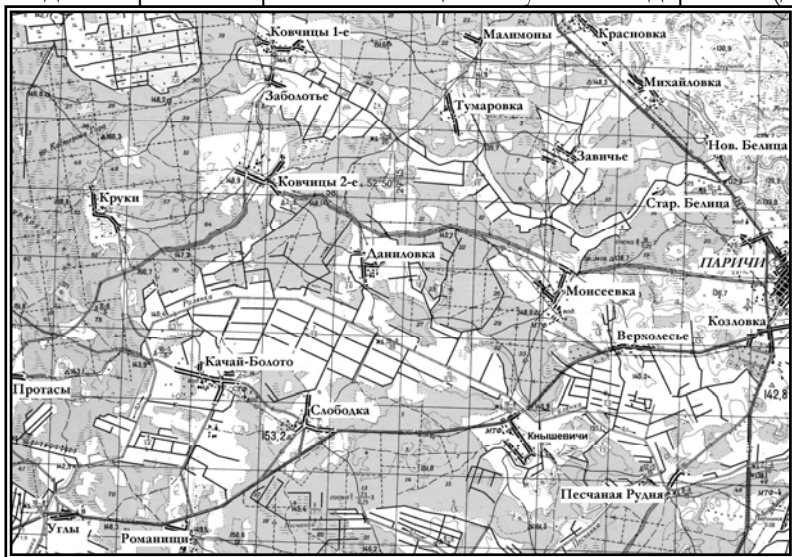
⁹ В этой группе были Раджаб Гадымов, Наум Майдель, Давид Чирадзе, Александр Адамович.

¹⁰ 19 декабря 1943 погибли Алексей Сергеев, Тимофей Соколов, Арон Хархурин, Николай Ткаченко, Гутман Цыркин, медсестры Мария Колпакова и Елена Колесникова, Александр Вышковский, Анастасия Филиппович, Дмитрий Федоров, Надежда Власик, Валентина Латышева, Александр Зорин, Владимир Морковкин, Сергей Блинов, Дмитрий Жигалов, Дмитрий Раков... ...

– Что будем делать, Василий Емельянович? – обеспокоенно спросил Митялин.

– Русские не сдаются! Будем драться! Поднимаю бойцов!

Голодов приказывает: занять круговую оборону в дзотах и блиндажах ранее вырытых полициями у самой деревни (для

обороны своего гарнизона от партизан, нападающих со стороны леса). Несколько бойцов устроилось в склепах на огородах.

Но то, что было выгодно для полицаяв при их размещении в деревне, в данной ситуации для партизан оборачивалось ловушкой. Бежать к лесу, и на его окраине организовать оборону? Не успеть: до леса около полукilометра – перестреляют как куропаток.

Вооружение – автоматы, пулемёты, миномёт, одно целое противотанковое ружьё да бутылки с горючей смесью.

В общем, партизаны были обречены на гибель, и потому можно было понять командира «чапаевцев» Сезика, который, видя всю бесперспективность сражения стрелковым оружием с танками, несколько ранее отвёл свой отряд, им. Чапаева, к лесу и там, под более надежным прикрытием, стал готовиться к бою.

Враг приблизился на пятьсот метров к Слободке, остановился. Танки угрожающе пошевелили башнями и открыли бешеный огонь из пушек по позициям партизан.

Разгорелся бой.

Боеприпасы и гранаты на исходе. Раненый Голодов приказал уцелевшим бойцам отходить (что поделаешь, по открытому полю!), а сам с небольшой группой остался прикрывать отход товарищей. Немцы, окружив блиндаж Голодова, стали забрасывать его гранатами. Несколько гранат, перехваченных на лету Голодовым, вернулись обратно к тем, кто их бросал.

Пехота отошла. Значит, начнётся артиллерийский или минометный обстрел. Или – танковая атака.

После мощного артобстрела (площадка, на которой укрепились «кировцы», покрылась воронками, выброшенная земля засыпала траншеи) начался штурм укреплений партизан. Пехота идет за танками, пригнувшись, цепь за цепью, непрерывно строча из автоматов.

Вот что рассказал мне о том, что затем произошло, чудом оставшийся в живых в том бою *Семен Михайлович Гацкевич*:

«Предвидя исход боя, я так же, как и бойцы Сезика, хотел выбрать вариант с лесом – никто не осудил бы. Но что-то меня остановило. Стоял на краю траншеи и видел начальника штаба Митялина. Уже отчетливо слышен рокот танков, чаще слышны пулеметные очереди. Митялин крикнул зрбовато:

– Прыгай Сенька... Хрен с ним, всё равно погибать.

Что я и сделал. Не ожидая ничего хорошего, уже как бы на прощанье обнялись мы с Владимиром и поцеловались.

Сплошной гул, отдельных выстрелов не слышно. Видел, как сраженные то ли очередью, то ли осколками разорвавшегося снаряда, упали Голодов и его адъютант Резников. Погиб и Митялин.

Бой шёл на полное наше истребление. Немецкая пехота при поддержке танков несколько раз пыталась ворваться в наши траншеи, но вынуждена была отступить с потерями. Тогда немцы изменили тактику. Двинули танки вдоль траншей, поливая нас огнем из пулеметов. За танками ворвалась пехота, добивавшая живых партизан и красноармейцев.

Мне повезло: когда прошли танки, я, находясь в пулемётном гнезде, не был ранен. Каким-то образом зарылся в последние секунды в солому, лёг лицом вверх, взяв при этом в руку гранату Ф-1. «Как только обнаружат, так и рвану чеку»

Сквозь солому видел фашистов, слышал их выкрики. По обе стороны гудели танки. Трудно описать словами, что я пережил. Но, к сча-

стью, скоро послышалось гортанное и громкое «Нах машинен» и, взревев моторами, танки ушли. После такого невероятного гула даже падение снежинок казалось громким.

Попробовал на всякий случай дозваться вдруг выживших. Отзвался только один боец»

После гибели Голодова и Митялина руководство боем принял на себя командир роты Александр Шуев.

Шуев подпустил танки поближе и приказал бронебойщику открыть огонь.

Два танка вспыхнули, закружились на месте. Уцелевшие машины отползли назад. Но пехота продолжала наступать в лоб.

На дне траншеи сидит Марина Ивановна Храпко. Она только что перевязала раненого и берется за винтовку. Шуев бросается к ней:

– Марина Ивановна, мчитесь в штаб бригады, просите подмоги. Если штаба на месте нет, бегите в дивизию, к армейцам, расскажите о нашем положении, и там оставайтесь.

Марина Ивановна отползла метров на десять, и Шуев прокричал вдогонку:

– Марина Ивановна, помните: вся надежда наша только на вас. Ещё немного – и немцы нас возьмут в кольцо...

Цепь вражеской пехоты приближается.

Первая атака не принесла успеха немцам: им пришлось идти по открытому снежному полю, и, понеся значительные потери, отошли, залегли.

Два танка, курсируя вдоль окопов на безопасном удалении от бронебойщика, пытаются нащупать пулемётные гнезда партизан, обстреливая окопы.

Пехотинцы, произведя перестроение своих рядов, пошли опять в наступление, на этот раз с флангов, пытаясь взять партизан в кольцо.

Бой разгорелся с новой силой.

Шуев отдал приказ отступать к лесу, и сам с небольшой группой стал прикрывать отход. Но отходить теперь надо было от деревни, по заснеженному полю, под пулями... И гибли бойцы, один за другим.¹¹

¹¹ 20-го декабря в том последнем бою пали: Иван Сосновский, Антон Михневич, Василий Потапов, Александр Кремнев, Дмитрий Свиридов, Петр Компаниец, Петр

...Вот пехотинцы на расстоянии гранатного броска. А у партизан – ни одной гранаты, закончились и патроны.

Шуев вскочил на бруствер окопа, поднялся во весь рост, держа автомат высоко над головой:

– Бей гадов!

Партизаны вступили в своей последний, теперь рукопашный бой.

«Лесными тропами, – рассказывала много лет спустя Марина Ивановна Храпко, – я пробралась к Ковчицам-1, но там уже были немцы. В деревне Сосновый Бор встретила красноармейцев. От них узнала, что все партизаны отступили. Подалась в Зубаревичи. Здесь Мария Болбас – она тогда исполняла обязанности помощника начальника бригады – сообщила мне, что все отряды вернулись на свои базы и что «кировцы» потеряли в бою восемьдесят человек, более ста бойцов влились в гвардейскую дивизию, что Шуев и несколько бойцов с ним геройски погибли под Слободкой...»

Сломив сопротивление партизан на левом фланге, противник с трех направлений повёл наступление на войска, державшие оборону под Паричами. 37-я гвардейская дивизия и 46-я артиллерийская бригада не выдержали натиска и стали отходить. «Ворота» между опорными пунктами врага Паричами и Озаричами закрылись.

Бригада Ливенцева, стоявшая на соседнем участке «ворот», без значительных потерь отошла в тыл Красной Армии. Вскоре Виктору Ильичу Ливенцеву было присвоено звание Героя Советского Союза и воинское звание «полковник».

Бригаде Львова было приказано оставаться в тылу врага. И еще полгода будет она сражаться с оккупационными и фронтовыми частями, скупо получая награды и воинские звания.

*

Немцы, убрав трупы своих солдат и офицеров, разрешили местным жителям похоронить павших партизан и бойцов Красной Армии.

Боровой, Софрон Максимов, Михаил Лапкин, Григорий Курбатов, Михаил Шульга, Григорий Соломатин, Георгий Ермаков, Иван Тюрников, Иван Ежов, Трифон Жуков...

По всему снежному полю от деревни до леса лежали убитые партизаны и красноармейцы.

Медсестра Лида Сакович пролежала трое суток на поле боя между убитыми Новицким и Вышковским, они оба были в кожных, и благодаря этому она не замерзла. Вернулась в отряд в сильном стрессовом состоянии.

В декабрьскую стужу сельчане погребли героев в братской могиле, не зная «кто есть кто». Ибо с ними не было ни одного из тех, кто сражался в дни «оптимистической трагедии».

«На одном, – рассказывал через двадцать пять лет один из местных жителей, – под коричневым кожаным пальто я увидел орден Ленина.¹² Я собрал документы восемнадцати человек и вместе с наградами всё увязал в один сверток; сверток спрятал под крышей хаты. Но на следующий день немцы сожгли хату. Сгорел и сверток».

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Итак, «Паричские ворота» затворились.

Потерявшая связь с Красной Армией, измученная, израненная, без боеприпасов, 37-я бригада им. Пархоменко была не в состоянии вести бои с регулярными частями гитлеровцев. И комбриг Львов приказал отрядам отойти к Зубаревичам на отдых и для подведения итогов.

Всего в декабрьских открытых боях партизаны бригады Львова уничтожили до 200 немецких солдат, подбили 2 танка, бронемашину, 8 автомашин противника.

Если на 10.12.1943, т.е. до начала боев у Ковчиц-2, в отряде им. Кирова по списку числилось 466 человек, то на 1-е января 1944 г., т.е. через две недели, отряд насчитывал 267 человек. Где же остальные 199?

«Не возвратились из боя 170 «кировцев» – часть находится за линией фронта, а часть неизвестно где» – есть такая чья-то пометка на «Сведениях о численном составе 37-й партизанской бригады им. Пархоменко с 1.12.1943 по 1.1.1944»¹³.

Некоторым участникам боя удалось уйти за линию фронта. Некоторые попали в плен;¹⁴ одетые в полувоенные

¹² В отряде коричневое кожаное пальто носил и орден Ленина имел только командир отряда Голодов. – **А.Т.**

¹³ НАРБ, ф.3500, опись 4, л.159, л.44.

¹⁴ В плен попали: Александр Шуев, Николай Сакович, Иван Пыхтин, Александр Кухта, Аркадий Кулик, Григорий Кикот, Сергей Бузак, Иван Кулик, Евгений Адамович...

одежды, они учитывались фронтовыми немцами наряду с красноармейцами.

Остальные, «вышедшие из боя», раненые и больные партизаны в течение месяца добирались к отряду.

Среди них было много тифозных больных. Дежурные медики топили печки непрерывно. Больные ничего не хотели есть. Медики собирали из-под снега ягоды клюквы и само растение, заваривали, и этот напиток больные пили с удовольствием, хотя и без сахара. Где-то достали котёл, в котором обрабатывали одежду от вшей.

«Не вернулись из боя» и братья Адамовичи – Женя и Саша. Их мать, Анна Митрофановна, ловила каждое новое слово-известие. Вот что она вспоминала много лет спустя:

«Две недели длилась канонада в направлении Ковчиц день и ночь. Я не спала, все прислушивалась к гулу. Там ведь были мои сыновья и все наши. Потом стали добираться оставшиеся в живых, раненые, с отмороженными конечностями. Среди таковых были бойцы Красной Армии. Помню случай, когда ампутировали обе отмороженные ступни мальчику с 1924 г., москвичу. Я ассистировала хирургу. Всё время мне мерещились сыновья, что, может, и им где-то отрезают ножки, и... потеряла сознание. Про Сашу говорили, что перешёл линию фронта, а про Женю один партизан сказал, будто видел, как наехал танк на ту траншею, где он был и другие: «Да, жаль мне Женю, ведь его раздавил танк». Я в это время была рядом и услышала... Я дико вскрикнула и упала. Перенесли в санчасть. Опомнилась лишь на завтра. Всё вспомнила. Опять стало плохо. Несвязно говорила, глядя на беспокойные лица своих товарищей. Казалось, что схожу с ума. На всякий случай попросила, если точно сойду – застрелить меня. Отошла. В каждом встречном видела Женю, Сашу; избегала людей, зарывалась в чащу леса, садилась на пенёк, лёд таял от моих слез. Подруги, бойцы искали, находили, уговаривали, отводили в землянку. Охватывала надежда на встречу. И благодаря этому и чуткому отношению окружающих жила, работала ожесточенно...

Бойцы очень внимательны были. Все страдали без соли. Но каждый из них, кто имел соль, придя с боевой операции, приносил мне щепотку и каждый старался сказать тёплое слово, и каждый добавлял, зная, не зная: «Да ведь Саша за линией фронта, а Женя мобилизован в армию». То, что он раздавлен танком, никто не подтверждал, и все возмущались и порицали того партизана, кто принес такую весть...»¹⁵

¹⁵ Анна Адамович. И так было каждый день. // Неман № 10, 1999 г.

СЛОВО О ГОЛОДОВЕ

Ровно два года воевал Василий Емельянович Голодов в отряде (полтора года комиссаром и полгода командиром).

Вспоминает В. А. Дорогавцев:

«С Голодовым я был в Бобруйском подполье, затем вместе мы пришли в отряд и до июля 1943 г. участвовал во всех боях, в которых Голодов участвовал. Меня поражал этот человек. Он всегда был впереди, подымал нас в атаку. Сам дисциплинированный, он требовал того же и от каждого партизана. Бойцы любили его за смелость и решительность. Это был образец комиссара и командира».

За совокупность совершенных подвигов командование партизанского соединения Минской области представляло Василия Емельяновича к званию Героя Советского Союза, но почему-то Москва посчитала, что ранее полученного ордена Ленина достаточно.

Я искал то представление к «Герою» в архиве бригады и отряда, но не нашел. Нашёл иное: вот такие строки в отчёте командования 37-й партизанской бригады имени Пархоменко:

«20 декабря 1943 года командир отряда имени Кирова коммунист Голодов Василий Емельянович, когда гитлеровцы приблизились к блиндажу и начали забрасывать его гранатами, на лету подхватывал вражеские гранаты и выбрасывал их назад. Так он выбросил 9 гранат и убил более 20 фашистов. Но десятой гранатой бесстрашный командир был тяжело ранен и погиб смертью героя».

Понять авторов вышеприведенных строк, а это, наверное, были комбриг и комиссар, вообще-то можно. Голодов, прошедший с отрядом огонь и воду, совершивший лично немало подвигов, воодушевлявший на подвиги бойцов, заслуживал высокого звания Героя Советского Союза. Но... В своём усердии, командир и комиссар перестарались, пересолили. В этих «девяти гранатах», подхваченных и выброшенных обратно, «наверху» сразу же усмотрели «загиб», и... представление на Голодова к званию Героя рассматривать не стали. (Как и на многих других таких же истинных героев.)

Но, скорее всего, основной причиной «неприсвоения» высокого звания Голодову было то, что тогда не было ни одного свидетеля гибели Голодова. В списках отряда после того памятного боя под Слободкой против фамилии Голодова стояло «пропал без вести». Ну, как можно было в «те времена» присвоить в таком случае звание Героя? «А вдруг он сдался в плен?»

Или чего еще хуже: «А вдруг он просто перешел к немцам?» Логично? Да, логично, – с позиций партийно-энкавэдэшной логики. А тогда наверху другой логики и не было.

Позже такое свидетельство («Да, я видел, как погиб Голодов») даст Семен Михайлович Гацкевич. И тогда бывший комиссар бригады в левом углу «аттестационного листа» на Голодова¹⁶ через девять месяцев после его гибели решится написать синим карандашом «Погиб в бою 20.12.1943 года. Комиссар бригады (подпись) Храпко. 6.8.44»¹⁷.

Только чувством глубокой скорби о погибших товарищах можно объяснить вот эти строки Марии Фёдоровны Болбас, написанные через 25 лет:

«Всё думаю о том бое. Ну неужели наши командиры не могли сообразить, что имеют дело с регулярными частями, превосходящими нас как по числу людей и вооружению, так и в опыте войсковых операций. Даже наши регулярные части вынуждены были отступить. А наш отряд к тому же был сильно разбавлен бывшими власовцами, полицаями и другими «бывшими» отщепенцами. Как боевая единица отряд наш был силен в 42-м году, к концу же 43-го (и тем более в 44-м) это был не отряд, а цыганский табор. Уже не знаешь в бою, откуда получишь пулю»¹⁸.

Нет, Мария Федоровна, соображали ваши командиры очень хорошо. Но... Голодов был кадровым военным, для которого «приказ есть Приказ». Приказ к отступлению-то не поступил! А партизанская «вольница» в выборе стратегии закончилась, пожалуй, ещё в июле 1942 г., когда отряд был подчинён партизанскому соединению Минской области, а затем, в ноябре 1943 г. – командованию дивизии Красной Армии.

И вообще, на войне часто правым оказывался не здравый смысл, а чувство. Ну, что подсказал здравый смысл французам, когда немцы перешли границы Франции? А то, что если не сопротивляться, то они, немцы, Париж не тронут. Действительно, не тронули, пошли дальше на Восток. На Москву!

¹⁶ НАРБ, ф. 3500, оп. 8, л. 53, л. 183.

¹⁷ Впрочем, я не исключаю, что эту запись Николай Борисович сделал значительно позже, собирая в архиве материал для своей книги. И сделал только для того, чтобы семья Голодова могла получить какое-то пособие. – **А.Т.**

¹⁸ Да, было такое. В одном из предыдущих боев по Марии Болбас, со взводом пешей в атаку, выстрелил бывший полицейский. Правда, он потом объяснил, что в горячке боя не разобрался, кто впереди него. В бою под Ковчицами-2 этот человек погиб, храбро сражаясь с фашистами. – **А.Т.**

Ну, зачем Брестской крепости сражаться? Ведь немцы ее просто могут обойти (так и было) и пойти дальше. Но это здравый смысл говорил. А чувство говорило: враг на моей земле, не пришел же он сделать мне лучшую жизнь. И получили немцы у стен Брестской крепости то, что получили... А дальше. Идут мимо белорусских крестьян этикие здоровенные «молодцы», передовые немецкие части, вооруженные до зубов. А техника какая! Здравый смысл говорит: пусть идут, с ними сражаться должна наша армия, она у нас «всех сильнее», а мы, люди простые, подождём. А чувство сказало: *нет, это наша смерть идет!* И в этом чувстве были правы, да еще как! Ибо нацисты намеревались реализовать не только план «Барбаросса», который предусматривал полный разгром Советского Союза в «молниеносной войне» до осени 1941 г., но и генеральный план «Ост», разработанный в ведомствах Гиммлера и Розенберга – в главном управлении имперской безопасности и в так называемом восточном министерстве нацистской Германии. А там черным по белому написано:

«Речь идёт не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорее всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобидеть их... Только если эта проблема будет рассматриваться нами с биологической, в особенности с расово-биологической точки зрения, и если в соответствии с этим будет проводиться немецкая политика в восточных районах, появится возможность устранить опасность, которую представляет для нас русский народ... Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе».

Не читал простой народ секретного плана «Ост», но всем нутром чуял, что такой план есть...

*

Тогда, в декабре 1943 года, Ставка Верховного Главнокомандования не смогла добиться от своих войск выполнения поставленной ею задачи – разгромить своими тремя фронтами немецкую группу армий «Центр» и очистить от оккупантов всю территорию Беларуси. Ибо Красная Армия к этому времени уже не имела достаточных резервов: не хватало боевой техники, вооружения и боеприпасов. До конца 1943 года войска Западного фронта *семь раз* переходили в наступление на Могилы.

лёвском направлении и кое-где, как под Паричами¹⁹, продвинулась на 10–20 км, но задач своих не смогли выполнить. И, наверное, поэтому бригаду Ливенцева дивизия увела с собой, и нажали на её командира: «Отдай нам своих партизан. Видишь, у нас нечем воевать. Как же можно так победить врага?»

¹⁹ В результате контрудара гитлеровцев в конце декабря 1943 года “ворота” были закрыты. Ряд подразделений 37-й и соседней 60-й дивизии оказались в окружении. Партизаны помогли им прорваться на запад, в партизанский район Полесья. Да вот освоить партизанскую тактику они смогут не сразу: отобьют от оккупантов населённый пункт, и тут же обустраиваются... А надо тут же уходить... В общем, немцы хорошо поволокли вот таких «домоседов».